

© 2021. К.Г. Шерварлы

Московский Государственный Университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Роль писателя в романе Ф.М.Достоевского «Униженные и оскорбленные»

© 2021. Ksenia G. Shervarly

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

The Function of the Writer in Dostoevsky's Novel *The Humiliated and the Insulted*

Информация об авторе: Шерварлы Ксения Григорьевна, студентка 3-го курса филологического факультета, Московский Государственный Университет им. М.В. Ломоносова, Ленинские горы, д. 1, 119991 г. Москва, Россия.

<https://orcid.org/0000-0002-1483-0692>

E-mail: ks-shervarly@yandex.ru

Аннотация: Среди действующих лиц в романе Ф.М. Достоевского «Униженные и оскорбленные» особенно выделяется Иван Петрович, автор записок. Незаметный и скромный, посвятивший все свои силы и время другим, он удивительным образом располагает к себе, все чувствуют к нему полное доверие и братскую любовь. Отношение к самому Ване неразрывно связано с отношением к его роману-«первенцу», прочитав который, каждый герой спешит признать Ване в любви и открыть ему все самые сокровенные мысли. Особенности Ваниного творчества и Ваниного характера – честность и откровенность. Именно эти черты определяют главную функцию писателя – утешение и преображение героев. Честный и умный Иван Петрович сравнивается в статье с честным и откровенным, но неумным Алешей и наблюдательным и умным, но бессердечным Князем. Последний выступает даже в качестве соперника Вани, сначала побеждая его своей хитростью и притворством. Особое внимание в статье уделяется Нелли, дочери князя, которая унаследовала от отца не только ум, но и жесточенность сердца, с которой она видимым образом борется на протяжении всего романа. Также обращается внимание на то, что Иван Петрович во время всех этих событий собирается написать новый роман, однако постоянно занят, утешая героев и выполняя их поручения. Учитывая

особенное влияние творчества Ивана Петровича на героев, в статье предполагается возможное разрешение основного конфликта с помощью его нового романа, который, однако, так и не был написан. Этим, возможно, и объясняется беспомощность Ивана Петровича при разрешении финальной сцены конфликта, когда он был вынужден молить Нелли выполнить его основную функцию – утешить и спасти всех. Воспользовавшись историей Нелли вместо своего ненаписанного романа, Иван Петрович называет себя «неудавшимся» литератором и чувствует свою вину перед бедной девочкой.

Ключевые слова: Достоевский, «Униженные и оскорбленные», Иван Петрович, роман, писатель, ум, откровенность, честность.

Для цитирования: Шерварлы К.Г. Роль писателя в романе Ф.М.Достоевского «Униженные и оскорбленные» // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2021. № 2 (14). С. 180-191. <https://doi.org/10.22455/2541-7894-2021-2-180-191>

Information about the author: Ksenia G. Shervarly, B.A. Student, Philological Faculty, Lomonosov Moscow State University, 1 Leninskie Gory, Moscow 119991, Russia.

<https://orcid.org/0000-0002-1483-0692>.

E-mail: ks-shervarly@yandex.ru

Abstract: Ivan Petrovich, the author of the notes, stands out among the other characters of the novel by F. M. Dostoevsky *The Humiliated and the Insulted*. He is an unremarkable and modest person, who has devoted all his time and energy to others. Everyone likes him, trusts him and feels brotherly love for him. The attitude to Vanya is inseparably linked with the attitude to his novel – “the firstborn”. Firstly each character reads the novel and then hurries to say to Vanya that he or she loved him and reveals his or her mind to him. The most important characteristics of Vanya’s character and of Vanya’s creative writing are honesty and frankness. These characteristics define the main function of the writer which is to console and transform the other characters. In the article, Ivan Petrovich, who is honest and clever, is also compared with honest and frank but stupid Alyosha, and with the observant and smart but heartless Prince. The latter even acts as a rival of Vanya and firstly defeats him with the help of cunning and deception. The article also focuses on Nelly, the Prince’s daughter, who inherited from her father not only her intelligence, but also the bitterness of her heart. She fights it throughout the novel. Attention is also drawn to the fact that Ivan Petrovich was going to write a new novel but was constantly busy in consoling other characters and answering their requests. The article suggests a possible resolution of the main conflict with the help of this new novel which, however, was never written. That may explain Ivan Petrovich’s helplessness during the final scene, when he was forced to beg Nelly to console everyone instead of doing it himself. Maybe Ivan Petrovich calls himself a “failed” writer and feels guilty because of using Nelly’s story instead of his unwritten novel.

Keywords: Dostoevsky, *The Humiliated and the Insulted*, Ivan Petrovich, novel, writer, cleverness, frankness, honesty.

For citation: Shervarly, K.G. “The Function of the Writer in Dostoevsky’s Novel *The Humiliated and the Insulted*”. *Dostoevsky and World Culture. Philological journal*, no. 2 (14), 2021, pp. 180-191. <https://doi.org/10.22455/2541-7894-2021-2-180-191>. (In Russ.)

Иван Петрович, автор записок, из которых состоит текст романа «Униженные и оскорбленные», сильно отличается от остальных героев. На первый взгляд он может даже показаться героем второго плана, всего лишь наблюдателем и пересказчиком событий. Это впечатление усугубляется и постоянным умалчиванием о Ваниных делах и о нём самом.

Нам неизвестна ни его фамилия, ни каким образом он, родившийся «далеко отсюда, в –ской губернии» [Достоевский, 1972–1990, т. 3, с. 178] попадает на воспитание к Ихменеву. О Ваниных делах и чувствах упоминается как-то вскользь. Он сам не поддерживает разговор о себе: уклоняется от ответа или заменяет его рассказом о Смите и Нелли.

Эта особенность привлекает не только внимание читателя, Князь во время разговора с Ваней говорит: «А вот что меня удивляет: что за охота вам играть роль второго лица?» [Достоевский, 1972–1990, т. 3, с. 358].

Несмотря на кажущуюся второстепенность, Ваня постоянно оказывается в центре событий и обязательно присутствует почти при каждом важном разговоре, даже если не произносит на протяжении него ни слова. Ваня постоянно всем **необходим**: «А как я ждала тебя, Ваня, уж как ждала! <...> ты мне надобен, мне твое сердце надобно, твоя душа золотая <...>» [Достоевский, 1972–1990, т. 3, с. 197], Анна Андреевна дважды даже говорит, что ждала Ваню, «как ангела божия» [Достоевский, 1972–1990, т. 3, с. 215, 219], а Катя признается: «Знаете, Иван Петрович, я теперь как впотьмах, я вас ждала, как света» [Достоевский, 1972–1990, т. 3, с. 349], и в другом месте: «Вы всё это гораздо лучше меня знаете. Ведь вы для меня теперь как будто какой-то бог» [Достоевский, 1972–1990, т. 3, с. 351].

Ждут и зовут его по двум причинам. Во-первых, для того, чтобы передать что-нибудь кому-нибудь. Новости, письма, просьбы, дважды даже вызов на дуэль! Уходя к Алеше, Наташа посылает Ваню к родителям: «Расскажи им всё, всё, **своими словами из сердца**; найди такие слова»¹ [Достоевский, 1972–1990, т. 3, с. 202]. Ихменев просит уговорить за него Анну Андреевну взять сиротку, Князь рассчитывает на Ванину помощь в подготовке разрыва Алеши с Наташей, Нелли тоже отдаёт ладанку именно Ване и просит пере-

¹ Здесь и далее полужирный шрифт в цитатах мой – К. Ш.

дать Князю своё проклятие, Наташа отсылает Ваню познакомиться с Катей и так далее.

Поручения нередко перерастают в просьбу «сказать вместо меня», Анна Андреевна с Николаем Сергеевичем часто не могут обойтись без Вани, потому что между собой общаются только намеками, а ему говорят то, что хотели бы высказать друг другу прямо: «<...> понимаешь, Ваня? Я рад, что ты пришел, и потому хочу громко сказать при тебе же, так, чтоб и *другие* слышали, что весь этот вздор, все эти слезы, вздохи, несчастья мне наконец надоели» [Достоевский, 1972–1990, т. 3, с. 222]. У Вани часто просят совета, что тоже иногда доходит до крайностей. Алёша умоляет его: «<...> **реши за меня**, <...> Я спрашиваю себя и не могу ответить. А ты смотришь со стороны и, может, больше моего знаешь...» [Достоевский, 1972–1990, т. 3, с. 389–390].

Вторая причина, по которой ни один герой не может обойтись без Вани – откровенный разговор. Анна Андреевна только с Ваней может говорить о своих чувствах и переживаниях, Наташа назначает время, посылает записку или выставляет свечу на окошко, чтобы Ваня мог догадаться, что его ждут, и что он ей нужен. Катя при первой же встрече с Ваней отсылает от себя Алешу и говорит, что ей надо с Ваней «о многом наедине переговорить» [Достоевский, 1972–1990, т. 3, с. 346], и что это – «необходимость» [Достоевский, 1972–1990, т. 3, с. 346]. Алеша подходит к Ване, как на исповедь, и шепотом в сторонке признается ему в своих грехах. Князь во время разговора в ресторане тоже откровенничает и рассказывает Ване о своих преступлениях.

Почему же герои так откровенны именно с Ваней? Почему они верят, что именно он сможет понять их мысли, и именно он, передавая известия, сумеет подобрать нужные слова?

Катя объясняет свою откровенность с Ваней тем, что он «очень умный» [Достоевский, 1972–1990, т. 3, с. 350, 351], Князь же напрямую связывает умение понимать с тем, что Ваня занимается литературой. На вопрос Вани: «<...> почему вам вздумалось выбрать именно меня конфиденantom ваших тайн и любовных... стремлений» [Достоевский, 1972–1990, т. 3, с. 362] – он отвечает: «<...> а впрочем, хоть бы и так, безо всяких причин; **вы поэт, вы меня поймете** <...>» [Достоевский, 1972–1990, т. 3, с. 362]. Он еще несколько раз в течение этого же разговора повторит свою мысль: «<...> ведь вы литератор, должны же были догадаться...» [Достоевский, 1972–1990,

т. 3, с. 356], или «Ну, как этого не понять? А еще литератор <...>» [Достоевский, 1972–1990, т. 3, с. 360].

То есть Ваня находится на таком особом положении именно потому, что он – писатель, да при этом еще и умный человек. (Даже Князь признается, что увидел в Ване «несколько более благоразумия и ясного взгляда на вещи, чем в обоих наших дурачках» [Достоевский, 1972–1990, т. 3, с. 368].) Что же это за особенное действие писательства? Что особенного умеет делать тот, кто пишет?

Мы очень мало знаем о Ваниных делах, почти не видим его за работой, но Ванин роман-«первенец» упоминается в тексте не единожды и, как-то так получается, что все, кому предстоит познакомиться с Ваней, сначала знакомятся с его романом, и, как кажется, именно благодаря этому, чувствуют к Ване безусловную любовь и доверие, даже если видят его первый раз в жизни. Например, Катя, про которую мы сначала от Князя узнаем, что она является «самой искренней почитательницей» [Достоевский, 1972–1990, т. 3, с. 251] Ваниного таланта, при первой же встрече неожиданно признается: «Я ведь к тому говорю, что я, кроме того, что вас уважаю, – я вас очень люблю... И у вас научиться многому можно. А я вас люблю...» [Достоевский, 1972–1990, т. 3, с. 353].

До того вечера, когда Ваня читает Ихменевым свой роман, и когда они впервые знакомятся с Ваней-писателем, Наташа не откликается на его «сердечное движение», теперь же, послушав роман, Наташа в восторге целует Ване руку. В 19 веке руку могли поцеловать у женщины, или у вышестоящего лица. С последним хорошо перекликается неожиданное наименование Вани генералом, которое сначала в шутку произносится у Ихменевых, а потом несколько раз настойчиво повторяется Маслобоевым («<...> вот, Александра Семеновна, рекомендую тебе, это литературный генерал» [Достоевский, 1972–1990, т. 3, с. 272]). Наташино движение можно понять и как восторженное поклонение перед творцом, создателем прекрасного, можно даже вспомнить опубликованные в 1855 году «Заметки» Пушкина, где он рассказывает про Дельвига, который, встречая Державина, «вышел на лестницу, чтоб дожидаться его и поцеловать ему руку, руку, написавшую “Водопад”» [Пушкин, 1855–1857, т. 5, с. 10]. Наташа не только целует руку, но и говорит Ване заветное «да», теперь она любит его.

Нелли тоже прониклась любовью к Ивану Петровичу только после знакомства с его романом. Первые дни она дичилась Вани,

и ему даже приходилась запира́ть её в квартире. Но однажды он замечает, что Нелли читает его роман, и сразу же после этого она просит: «Вы когда уходите, не запирайте меня <...> Я от вас никуда не уйду» [Достоевский, 1972–1990, т. 3, с. 285]. Утром, когда Нелли узнает, что этот роман написан Ваней, происходит следующая сцена: «Она <...> обхватила меня обеими руками, а лицом крепко-крепко прижалась к моей груди. Я с изумлением смотрел на нее.

– Я вас люблю... я не гордая, – проговорила она. – Вы сказали вчера, что я гордая. Нет, нет... я не такая... я вас люблю. Вы только один меня любите...

<...> Она упала передо мной на колени, целовала мои руки, ноги...» [Достоевский, 1972–1990, т. 3, с. 296] (снова повторяется целование рук автора). Тут же Нелли пожелала, чтобы Ваня называл её «Нелли», и откровенно рассказала ему свою историю.

Маслобоев, также прочитавший перед встречей с Ваней его роман, удивительно настойчиво зовёт Ваню «поговорить по душе» [Достоевский, 1972–1990, т. 3, с. 262] без видимой на то причины или нужды. Он так отзывается о романе: «Ну, душа: читал! Читал, ведь и я прочел! Я, дружище, про твоего первенца говорю. Как прочел – я, брат, чуть порядочным человеком не сделался!» [Достоевский, 1972–1990, т. 3, с. 265]. Также и Ихменев, хотя и называет сочинителей народом ненадежным и одобряет занятия литературой только, если за это хорошо платят или продвигают в чинах, однако же, послушав Ванин роман, не сдерживает чувств и восклицает: «Ну, брат Ваня, хорошо, хорошо! Утешил! Так утешил, что я даже и не ожидал» [Достоевский, 1972–1990, т. 3, с. 189].

Ванин роман утешает, Ванин роман приводит к тому, что Ваню любят как брата, Ване доверяют как самому себе. И вот уже не роман, а сам Ваня утешает то одного, то другого. Добролюбов даже пишет в своей критической статье «Забитые люди»: «<...> сам рассказчик, который по сущности дела должен бы быть действующим лицом, является нам чем-то вроде наперсника старинных трагедий. <...> Иван Петрович все слушает и все записывает. Вот и все его участие в романе» [Современник, 1861, № IX, отд. III, стр. 106]. Однако если обратить внимание на Ванины якобы «утешения», видно, что Ваня утешает совсем не так, как это обычно делается. Он абсолютно откровенен, говорит правду, даже если это еще больше злит и раздражает собеседника, говорит то, что думает, даже если это жестоко. Ваня упрекает в эгоизме и старика Ихменева, и Наташу, и Нелли, и Алешу,

не боясь прямо указывать на их неправоту: «– Николай Сергеич! Неужели вам не жаль Анну Андреевну? Посмотрите, что вы над ней делаете, — сказал я, не в силах удержаться и почти с негодованием смотря на него. Но я только к огню подлил масла» [Достоевский, 1972–1990, т. 3, с. 222].

При этом Ванина прямолинейность никак не портит отношение к нему. Наоборот, после раздражения на Ванину честность обличенный герой или бросается к нему на шею, умоляя его не сердиться, или просто продолжает свои откровенности как ни в чем не бывало. («Ты прав, Ваня, что сейчас укорял меня! Это я одна во всем виновата! Сами себе горести создаем, да еще жалуемся... Спасибо, Ваня, ты меня совершенно утешил» [Достоевский, 1972–1990, т. 3, с. 272].)

Ванина честность – это не только особая черта его характера, но и его способ творить, способ писать. Он – «совсем простой» [Достоевский, 1972–1990, т. 3, с. 190], с «непоэтическим» [Достоевский, 1972–1990, т. 3, с. 190] лицом – пишет о простых людях простым языком. Николай Сергеич это отмечает, как несомненное достоинство: «<...> у тебя оно как-то проще, понятнее. Вот именно за то и люблю, что понятнее!» [Достоевский, 1972–1990, т. 3, с. 189]). Расчувствовавшись после чтения романа, он говорит: «А только будь честен, Ваня, будь честен, это главное; живи честно, не возмечтай!» [Достоевский, 1972–1990, т. 3, с. 191].

Такой же абсолютной честностью и откровенностью обладает Алеша. Он так же, как и Ваня, говорит то, что думает. Про него Ваня говорит: «Мне кажется, этот ребенок никогда, даже и в шутку, не мог бы солгать, а если б и солгал, то, право, не подозревая в этом дурного» [Достоевский, 1972–1990, т. 3, с. 201-202]. Алеша даже подумывает написать роман, правда, воспринимая это занятие (как и Ихменевы) с чисто практической точки зрения: «Главное, за него дадут денег... ведь вам же платят!» [Достоевский, 1972–1990, т. 3, с. 204]. В Алеше, как и в Ване, много чувства, много сердца, однако не хватает ума. Наташа страшно сердится, когда кто-нибудь называет Алешу глупым, однако и она сама, и Алеша, и Катя, и Князь, и Ваня – все это знают. Алеша оправдывает себя: «<...> пусть я дурачок, как ты несколько раз называл меня; но если я и заблуждаюсь, то искренно, честно<...>» [Достоевский, 1972–1990, т. 3, с. 311].

Если наивный и добрый Алеша заполняет недостаток ума сердцем и чувствами, то хитрый и расчетливый Князь, наоборот, заменяет недостаток сердца умом, а, благодаря своей двуличности, внешне

может при этом выглядеть очень искренним. У него получается этот так убедительно, что даже умный Ваня не сразу разгадывает его намерения: «Последние слова он проговорил так одушевленно, с таким чувством, с таким видом самого искреннего уважения к Наташе, что победил нас всех» [Достоевский, 1972–1990, т. 3, с. 249]. Князь, так же как и другие, просит у Вани совета и откровенничает с ним. Однако чуткий к любой лжи Ваня скоро начинает сомневаться: «Уж не на смех ли ты меня подымаешь?» [Достоевский, 1972–1990, т. 3, с. 341]. Князь, действительно, смеется и над ним, и над Наташей, и над Алешей, оформляя свои издевательства, как дружелюбный разговор и излияние души. Он смеется даже над собственной откровенностью, рассказывая Ване о совершенных грехах и преступлениях. Он тоже признается в любви к Ване, как это делают остальные герои: «Я вас люблю, Иван Петрович, если б вы знали, какое дружеское, какое искреннее я беру в вас участие...» [Достоевский, 1972–1990, т. 3, с. 357], однако все эти признания сопровождаются издевкой и злым смехом. Ваня чувствует, как Князь презирует его, и после очередного вопроса Ване кажется, «как будто князь мне плюнул прямо в глаза» [Достоевский, 1972–1990, т. 3, с. 342] (позже уже Ваня плюет Князю в лицо, защищая Наташу).

Князь – единственный, кто превосходит Ваню в уме и проницательности. Алеша говорит про него: «Как он умен, Иван Петрович, если б вы знали! Он всё читал, всё знает; вы на него только один раз посмотрите, а уж он все ваши мысли, как свои, знает» [Достоевский, 1972–1990, т. 3, с. 237]. Князь – единственный, перед кем Ваня называет себя глупым, а во время разговора в ресторане Князь неожиданно называет Ваню «питомцем» и «с какой-то протезирующей лаской» [Достоевский, 1972–1990, т. 3, с. 356] треплет его по колену.

Мы не знаем чина Князя, несколько раз говорится, что он был «немалый» [Достоевский, 1972–1990, т. 3, с. 180], но Мавра называет Князя именно генералом, что может напомнить нам и обращение Маслобоева к Ване.

И Князь, и Ваня знают и понимают больше других, наблюдают за остальными, изучают их. Князь пристально всматривается в Наташу, «как будто спешил *разучить* ее вполне в одну какую-нибудь минуту» [Достоевский, 1972–1990, т. 3, с. 246]. Ваня с «крайним любопытством» [Достоевский, 1972–1990, т. 3, с. 348] всматривается в Катю, ему «любопытно было бы заглянуть в эту рассуждающую головку» [Достоевский, 1972–1990, т. 3, с. 348], чтобы лучше понять

ее. Он «пристально наблюдает» [Достоевский, 1972–1990, т. 3, с. 249] и за самим Князем во время их первой встречи, но это не остается незамеченным. Князь неожиданно подходит к Ване (хотя до этого всю сцену говорит только с Наташей) и, видимо, признав в нем равного себе наблюдателя, непонятно для чего пытается возобновить забытое знакомство, еще даже не зная, что тот живет в квартире Смита. Обоим свойственно анализировать речь противника, Князь смеется в ресторане над Ваниной вежливостью: «Опять фигура умолчания!» [Достоевский, 1972–1990, т. 3, с. 369], а Ваня детально анализирует монолог Князя, который сначала так убедил его своей искренностью.

Не только со слов Алеши Князь «знает всё», он часто договаривает за героев, угадывает их ответы, понимает их мысли. Он говорит Ване: «Знаю, знаю, что вы хотите сказать; все это давно напечатано» [Достоевский, 1972–1990, т. 3, с. 357]. Князь часто продолжает свои реплики вопрошанием «не правда ли?» и, в конце концов, признается Ване: «<...> я нарочно спросил вас: “не правда ли?”, чтоб насладиться вашим ответом; я его знал заранее» [Достоевский, 1972–1990, т. 3, с. 366]. Наташа, разгадав Князя, говорит: «Чего вам объяснять! Вы сами всё знаете и всё понимаете. Алеша прав. <...> Вы заранее почти наизусть знали всё, что здесь случится, после того вечера, во вторник, и рассчитали всё как по пальцам» [Достоевский, 1972–1990, т. 3, с. 314].

Интересно, что Нелли, дочь всезнающего Князя, во взгляде которой Ваня сразу отмечает сверкающий ум и «какую-то инквизиционную недоверчивость и даже подозрительность» [Достоевский, 1972–1990, т. 3, с. 253], тоже характеризуется дважды, как та, которая «знает всё». (Например, ее мать пишет: «Нелли знает содержание письма моего; я читала его ей; я разъяснила ей *всё*, она знает *всё*, *всё*...» [Достоевский, 1972–1990, т. 3, с. 442].)

Нелли наследует от своего законного отца не только ум и проницаемость. Она имеет неровный характер, в ней соперничают озлобленность и доброе сердце. Видно, как она борется с этим, как она старается полюбить, и как сложно ей открыться и довериться людям. «Бедняжка! Добренькое, нежное ее сердце выглядывало наружу, несмотря на всю ее нелюдимость и видимое ожесточение» [Достоевский, 1972–1990, т. 3, с. 280]. Нелли тщетно давит в себе смех, обещает принять от доктора лекарство и тут же подталкивает рукой ложку и громко смеется, «но не прежним простодушным

и веселым смехом. В лице ее промелькнуло что-то жестокое, злое» [Достоевский, 1972–1990, т. 3, с. 373].

Нелли – дочь бессердечного Князя и девушки «честной, благородной, возвышенной» [Достоевский, 1972–1990, т. 3, с. 336], как характеризует Маслобоев мать девочки, совмещает в себе злой ум отца и доброе сердце матери и неслучайно страдает именно «неправильным сердцебиением» [Достоевский, 1972–1990, т. 3, с. 277], пороком сердца. Может быть, именно вследствие этого «неправильного сердцебиения» на ней так необычно, по сравнению с другими, отражается любовь к Ване. Все, полюбив Ваню, стремятся к дружбе с ним, часто называют его «братом», нуждаются видеть его как можно чаще, Нелли же, наоборот, несколько раз пытается убежать от него, оставляет записку: «Я ушла от вас и больше к вам никогда не приду. Но я вас очень люблю. Ваша верная Нелли» [Достоевский, 1972–1990, т. 3, с. 380]. Наташа тоже это отмечает и объясняет Ване: «<...> всё это на других не похоже. Вспомни ее историю, сообрази всё и поверишь. Она росла не так, как мы с тобой...» [Достоевский, 1972–1990, т. 3, с. 387].

На протяжении всего романа Ваня приносит героям утешение своими честными мыслями и честным творчеством, но наступает момент, когда Ване самому приходится умолять: «Нелли! спаси Наташу!» [Достоевский, 1972–1990, т. 3, с. 407]. Почему-то на этот раз он не способен утешить героев и помочь им своими силами.

Дважды Ваня вспоминает, что во время всех этих событий он мечтает написать большой роман. Несколько раз он даже садится за работу, но не может сосредоточиться, «не тем была полна голова» [Достоевский, 1972–1990, т. 3, с. 207]. Возможно, этому самому роману было предназначено утешить Ихменевых и спасти Наташу от Князя, ведь мы уже видели, каким преображающим действием обладал, в частности, Ванин первый роман.

Услышав историю Нелли, Ваня вздрагивает: «Завязка целого романа так и блеснула в моем воображении» [Достоевский, 1972–1990, т. 3, с. 298]. В начале своих записок Ваня так описывает процесс своего творчества: «<...> мне всегда приятнее было обдумывать мои сочинения и мечтать, как они у меня напишутся, чем в самом деле писать их <...>» [Достоевский, 1972–1990, т. 3, с. 169]. Вот и история Нелли то кратким пересказом, то отдельными кусками, то каким-то отрывочным повествованием встречается то тут, то там на протяжении всего романа, а сам Ваня то и дело подробно пересказывает

Ихменевым, Маслобоеву и Наташе историю Смита и Нелли. И даже, когда кажется, что ситуация совсем не подходящая для таких рассказов, Ваню это не останавливает. «В этот вечер решалась наша судьба: нам было много о чем говорить с Наташей, но я все-таки вернул **словечко** о Нелли и рассказал всё, что случилось, **со всеми подробностями**. Рассказ мой очень заинтересовал и даже поразил Наташу» [Достоевский, 1972–1990, т. 3, с. 387].

Заменив, возможно, свой так и не написанный роман рассказом бедной Нелли, Ваня хоть и добивается спасения и утешения для Ихменевых, но потом чувствует и сознаёт всю «вину перед ней, в тот день, когда она, трепещущая и измученная, *должна* была рассказать нам свою историю» [Достоевский, 1972–1990, т. 3, с. 430].

Может быть, именно поэтому, Иван Петрович, который лежит «на больничной койке один, оставленный всеми, кого так много и сильно любил» [Достоевский, 1972–1990, т. 3, с. 371] говорит: «<...> в эту минуту мне хочется думать об одной только Нелли» [Достоевский, 1972–1990, т. 3, с. 371]. Иван Петрович начинает записывать не автобиографию, а историю Нелли, начиная свое повествование со Смита, благодаря смерти которого стало возможным знакомство Вани с девочкой, и заканчивая смертью Нелли.

И, может быть, именно из-за этого ненаписанного романа Ваня называет себя «неудавшимся» [Достоевский, 1972–1990, т. 3, с. 517] литератором, несмотря на то, что уже давно написан «первенец», который хвалит каждый, кто о нём вспоминает, и сочинена новая повесть, о которой мы узнаем в Эпиллоге.

Список литературы

1. Достоевский, 1972–1990 – *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.
2. Пушкин, 1855–1857 – *Пушкин А.С.* Сочинения Пушкина с приложением материалов для его биографии портрета, снимков с его почерка и с его рисунков, и проч.: в 7 т. СПб.: Издание П.В.Анненкова, 1855–1857.
3. Современник, 1861 – Современник. Российский литературный и общественно-политический журнал. СПб. 8 октября 1861 г.

References

1. Dostoevskii, F.M. *Polnoe sobranie sochinenii v 30 t.* [Complete Works in 30 Vols]. Leningrad, Nauka Publ., 1972-1990. (In Russ.)

2. Pushkin, A.S. *Sochineniia Pushkina s prilozheniem materialov dlia ego biografii portreta, snimkov s ego pocherka i s ego risunkov, i proch. V 7 t.* [*Pushkin's Works With Attached Materials for his Biography, Portrait, Pictures From his Handwriting and Drawings, and so on. In 7 Vols*] St. Petersburg, Izdanie P.V.Annenkova Publ., 1855. (In Russ.)

3. *Sovremennik*. Saint-Petersburg, 8 Oct. 1862. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 11.11.2020

Одобрена после рецензирования 03.12.2020

Принята к публикации 04.12.2020

Дата публикации: 25.06.2021

The article was submitted 11 Nov. 2021

Approved after reviewing 03 Dec. 2021

Accepted for publication 04 Dec. 2021

Date of publication: 25 Jun. 2021